

М. В. Соколова

<https://orcid.org/0000-0002-8840-5824>

Подготовка студентов педагогических вузов к исследованию семейной истории

Автобиографическую память можно определить как субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта. Особым видом устной истории является биографическое исследование, причем интервьюер должен дать респонденту возможность затронуть разные темы, «раскрыть» себя максимально широко. Обсуждение разнообразных тем может дать ключ для понимания личности рассказчика. При интервьюировании других лиц (друзей, врагов, членов семьи, соседей, наблюдателей – тех, кто знал героя биографии только поверхностно и т. д.) важно помнить, что со временем представления о личности человека могут меняться. При проведении биографического исследования следует учитывать контекст: гендерный, расовый, социальный и культурный. Отдача от устных проектов в области семейной истории велика: это способ не только узнать о прошлом семьи, но и оценить себя в контексте семейных отношений, ценностей и влияний. Можно выделить четыре стадии процесса интервьюирования: установление понимания, исследование, сотрудничество, соучастие. Принципы подготовки вопросов предполагают, что вопросы всегда должны быть как можно более простыми, прямыми, иметь понятные формулировки. К числу главных умений интервьюера относят умение формулировать вопросы так, чтобы они были понятны и соответствовали теме беседы; умение слушать рассказчика; умение наблюдать за поведением рассказчика; умение запоминать то, что сказал рассказчик; умение судить о релевантности, значимости и полноте ответа, чтобы довести дело до конца. Интервьюер должен формировать в себе умение слушать. Это подразумевает умение прислушиваться к сути того, о чем тот сообщает.

Ключевые слова: интервьюирование, этапы интервьюирования, стадии интервьюирования, семейная история, семейные реликвии, семейные ритуалы, правила семейных встреч, устная история, воспитательный смысл устной истории.

M. V. Sokolova

Training of Pedagogical Higher Education Institution Students to Research Family History

Autobiographical memory can be defined as the subjective reflection of the piece of the life course passed by the person consisting in fixing, preservation, interpretation and updating autobiographical of the significant events and states defining self-identity of the personality as a psychological subject unique, identical to themselves. A special type of oral history is a biographic research. The interviewer is to give to the respondent the chance to touch upon different subjects, «to reveal» himself most widely. Discussion of various subjects can furnish the clue for understanding the story-teller's identity. When interviewing other persons (friends, enemies, family members, neighbors, observers – those who knew the hero of the biography only superficially, etc.) important to remember that over time ideas of the person's identity can change. When carrying out a biographic research it is necessary to consider a context: gender, racial, social and cultural. Return from oral projects in the field of family history is big: it is not only a way to learn about the past of family, but also to estimate itself in the context of the family relations, values and influences. It is possible to allocate four stages of the process of interviewing: establishment of understanding, research, cooperation, partnership. The principles for formulating questions are questions always must be simpler, direct, in clear language. The main abilities of the interviewer are: ability to formulate questions so that they were clear and correspond to the topic of conversation; ability to listen to the story-teller; ability to watch behavior of the story-teller; ability to remember what was said by the story-teller; ability to judge relevance, the importance and completeness of the answer to push the matter through. The interviewer should form in himself the ability to listen. It means to be able to listen to the essence of what is said about.

Keywords: interviewing, steps of interviewing, stages of interviewing, family history, family relics, family rituals, rules of family meetings, oral history, educational sense of oral history.

История обладает огромным педагогическим потенциалом. Как метод обучения она может использоваться на уроках по разным предметам, например, при изучении иностранного языка. Интервьюирование и транскрибирование способствует тому, что школьники познают языковые структуры, осваивают стилистику, грамматику,

синтаксис и пунктуацию. Устная история поможет в самоидентификации индивида, изучении социальных, профессиональных и иных особенностей, широко используется в обучении истории и обществознанию [18, с. 93]. Значимость воспитательных целей устной истории вытекает из целого ряда острых проблем, характеризующих особенно-

сти социализации подростков в современном мире. Современные исследования педагогов и психологов показывают: поиск идентичности у современных школьников зачастую носит конфликтный характер, что проявляется в стремлении оградить себя от влияния взрослых, в неоправданно критическом отношении к окружающим, в нарастании отчуждения между «отцами» и «детьми». Несомненно, недостаток практического социального опыта является фактором, способствующим возникновению отмеченных проблем. Сохранение семейной памяти посредством развития устной истории отражает ее воспитательный потенциал, способствует развитию индивидуального опыта учеников [8, с. 44–45]. Воспитательный смысл устной истории связан с патриотизмом, формированием в молодом человеке граждански активных, социально значимых качеств [5, с. 61]. Помогает приобретать личностно-ориентированные знания [21, с. 47].

Семейная память и устная история неразрывно связаны посредством воспоминаний. Воспоминания для семьи обладают связующей силой [2, с. 70]. Без воспоминаний устная история невозможна. Литераторы посвятили часть своего творчества памяти о войне [1, с. 7]. Память и устная история неразрывно связаны посредством воспоминаний [16, с. 85]. Практикуясь в устной истории, специалисты и педагоги должны принять во внимание закономерности функционирования памяти. Автобиографическую память можно определить как субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта. Методы устной истории находят применение при создании истории семьи [20, с. 242].

Особым видом устной истории является биографическое исследование. Челябинский историк И. Нарский обратился к устной истории своей семьи, отталкиваясь от собственной детской фотографии [11, с. 378]. Биографию многие считают частью литературного жанра [16, с. 45]. Автобиографическая память, прежде всего, это результат научного исследования, в котором должно проявиться понимание психологии вовлеченных лиц, социологическая перспектива, связанная с иерархией индивида в группе, а также антропологический подход, предполагающий рассмотрение героя биографии через его культуру. Обращаясь к изучению индивида, следует помнить, что различаются варианты: история жизни, рассказ о жизни,

автобиография и биография. Жизненная история – это описание собственной жизни, данное индивидом в той или иной форме (письменной или устной), которое используется исследователем, редактируется и публикуется им. Рассказ о жизни проговаривается индивидом по просьбе исследователя. Автобиография – это описание собственной жизни, сделанное не по чьей-либо просьбе или чьим-либо вопросам. Биография – это описание жизни другого лица, для подготовки которой часто используются все другие отмеченные здесь виды сообщений о жизни героя. Например, в основу биографии может быть положена записанная на магнитофон история жизни. Основанная на устных источниках биография может быть посвящена как еще живому человеку, так и уже ушедшему из жизни. В первом случае она, как правило, базируется на истории жизни, рассказанной им самим, во втором – на записях рассказов тех, кто знал этого человека. Впрочем, интервью с другими лицами могут быть полезными и при написании прижизненной биографии. Записывая историю жизни, исследователь, не ограничиваясь вопросами, подготовленными заранее, должен дать респонденту возможность затронуть другие темы, «раскрыть» себя максимально широко. Обсуждение, казалось бы, далеких тем может дать ключ для понимания личности рассказчика. Надо помнить: и рассказчик, и интервьюер имеют свои предубеждения, и осознание этого поможет установить взаимодействие, оценить документ устной истории, посмотреть критически на собственную интерпретацию.

При интервьюировании других лиц (друзей, врагов, членов семьи, соседей, наблюдателей – тех, кто знал героя биографии только поверхностно и т. д.) важно помнить, что со временем представления о личности человека могут меняться. Не следует забывать, что свидетельства друзей и сподвижников, как и свидетельства противников, скорее всего, содержат элемент предвзятости, поэтому их сопоставление поможет исследователю создать более точный портрет [16, с. 46]. При проведении биографического исследования следует учитывать контекст: гендерный, расовый, социальный и культурный. Насколько типичны с этих позиций взгляды героя биографии? В какой мере он разделяет представления, свойственные людям его возрастной группы? При проведении биографического исследования могут возникнуть трудности и проблемы этического характера. Рассказчики не всегда удовлетворены интерпретацией, предложенной исследователем, или тем, что в результате публикации она становится известной публике. Проблемы этического характера могут

возникнуть в отношениях с членами семьи героя биографии.

Наконец, в качестве особого вида устной истории можно выделить историю семьи. Проект по семейной устной истории может служить основой для познания студентами методологии и методов исследований в этой области. Если такой проект выполняется по истории собственной семьи, он будет служить связующим мостом между ее разными поколениями. Изучение истории семьи помогает понять культуру и общественную ментальность. Участвуя в проектах, посвященных истории разных семей, проливаешь свет на историю своей. Большой интерес к семейной истории проявляют психологи, социологи, фольклористы, антропологи. Исследование истории своей семьи, как правило, включает интервьюирование собственных родственников, в случае исследования других семей задача определения информантов становится более сложной. В литературе указываются трудности, с которыми можно столкнуться при создании устной истории семьи, и даются рекомендации для проведения такого рода исследований.

Главное условие успешности такого проекта – наличие доверия со стороны членов семьи. Они должны быть уверены в анонимности и конфиденциальности. Если в других проектах этого практически не бывает, то в случае с семейной историей допустимо привлечь информантов к редактированию материалов, а если рукопись готовится к публикации, можно ознакомить их с той частью текста, которая имеет отношение к интервью с ними. При работе над устной историей семьи важно помнить, что в устных рассказах действуют не идеальные, а живые люди, обладающие собственным взглядом на события семейной истории [9, с. 124-125]. Элементом подготовки в таком случае является работа со вторичными источниками, такими как свидетельства о рождении, браке, завещания и т. д. Полезной может оказаться предварительная встреча с маленькой семейной группой, во время которой разъясняется цель проекта, определяется круг опрашиваемых, как будут ставиться чувствительные для семьи вопросы. Желательно при этом получить от заинтересованных членов семьи их соображения о том, какие аспекты следует затронуть. При организации и проведении интервьюирования следует учесть, что сами интервью надо проводить только с одним членом семьи, вряд ли имеет смысл беседовать одновременно с мужем и женой – велик риск, что присутствие другого супруга повлияет на ответы. Требуется принять во внимание, что разные члены семьи могут по-разному помнить одно и то

же событие. Проблемой может быть антагонизм между отдельными членами семьи.

С кого начать интервьюирование? При создании истории своей семьи можно начать с самого любимого вашего родственника – это облегчит вхождение в проект. При изучении другой семьи стоит, возможно, начать с того, кто кажется наиболее поддающимся, сговорчивым, помогающим. В начале интервью следует избегать «тревожащих» вопросов, лучше расспросить об обстоятельствах рождения, о детстве, любимых играх и т. д., что поможет созданию атмосферы доверия. Приступая к вопросам, которые могут показаться интервьюируемому щепетильными, проявите такт, объясните собственные ощущения, с которыми вы приступаете к обсуждению сложной темы. Фраза «Помогите мне понять это» может оказаться нужной. Избегайте задавать вопросы, «загоняющие в угол», начинайте их со слов «Почему?» и «Как?» Это расширяет рамки для рассказчика, дает ему возможность высказаться полнее. Уже в начале интервью стоит предложить информанту сказать о том, что для него важно, хотя и выходит за пределы заданных вопросов. При подготовке семейной истории часто используют фотографии и семейные реликвии. Это целесообразно, в частности, потому что помогает напрячь память, вспомнить подробности. Исследователи часто сталкиваются с так называемым семейным фольклором, высказываниями и рассказами (реальность которых не всегда достоверна), имеющими для членов семьи особый смысл. Когда такую историю рассказывают разные члены семьи, целесообразно выяснить, какой смысл они видят в ней. Не надо проходить мимо семейных ритуалов и правил семейных встреч. Выстраивая план проведения интервью, можно использовать разные подходы, но возможно, самым простым из них является хронологический. При этом надо учесть: строгая хронологическая зависимость едва ли может быть полностью выдержана. Воспоминания могут по ассоциации вызвать другие, относящиеся к иному времени. Оценивая достоверность полученной информации, необходимо сопоставить свидетельства разных членов семьи. Есть еще один способ, в некоторых случаях приемлемый: задать один и тот же вопрос информанту через достаточно долгий период времени. Отдача от устных проектов в области семейной истории велика: это способ не только узнать о прошлом семьи, но и оценить себя в контексте семейных отношений, ценностей и влияний. Это возможность лучше узнать членов семьи и стать им ближе.

Хотя стиль интервьюирования индивидуален, успех зависит от многих факторов, в том числе от

подготовительной работы. Именно она позволяет чувствовать себя уверенно. Кроме того, уверенность добавляет наличие сформулированных вопросов, навыки использования звукозаписывающего оборудования, умение слушать собеседника, не прерывая, реагировать на услышанное. Необходимо придерживаться требований этики, взаимодействуя с респондентом. Интервью – это своего рода спектакль, когда интервьюер должен поддерживать человека, с которым беседует [25, с. 25]. Тот, кто дает интервью, часто испытывает нервное возбуждение, поэтому надо позаботиться о наиболее комфортных для него условиях. Чтобы направить разговор, интервьюер должен иметь определенную информацию о своем собеседнике. Она поможет решить, как преодолеть сопротивление и приблизиться к критическим оценкам прошлого. Почувствовать собственную готовность к проведению интервью помогает как можно более полное представление о предмете, о котором пойдет речь, о самом информанте, о его семье, занятиях, жизненных достижениях и неудачах. Кроме того, желательно, особенно для тех, кто еще не обладает достаточным опытом в этой области, почитать или послушать другие устные истории. Это дает представление о различных техниках интервьюирования, которые могут меняться даже у одного и того же исследователя, позволяет судить о типах задаваемых вопросов, о контексте, в котором они ставятся, развивать собственный стиль интервьюирования.

Стоит начать с предварительной беседы с человеком, интервьюировать которого вы планируете. Для этого нужно выбрать удобное для него время, а в ходе разговора объяснить цель интервью и показать свою заинтересованность и даже энтузиазм в этом вопросе. Важно проявлять креативность, чувство юмора, благожелательность. Во время предварительной встречи необходимо договориться о месте и времени. В некоторых случаях время на интервью может быть ограничено, это чаще всего касается лиц, занятых важной деятельностью. В большинстве случаев рекомендуемое время для интервьюирования составляет от полутора до двух часов. Бывает, что первая встреча вообще уходит на то, чтобы «растопить лед» [25, с. 26]. Понятно, что во многих случаях требуется не одна сессия, но «идеальной» продолжительности полного интервью не существует – количество сессий зависит от многих факторов, в том числе целей проекта и важности информации, которую предоставляет респондент.

Как уже отмечалось, интервью лучше всего проводить один на один. Разные авторы сходятся на том, что неразумно опрашивать супругов вме-

сте, описаны случаи, когда один из них, как правило, мужчина, доминировал в ходе беседы. В этом отношении исключением является лишь тот случай, когда сам проект предполагает совместные интервью. Это, однако, чаще имеет место не в устной истории, а в проектах по социологии семьи. Присутствие третьего иногда полезно для поддержания интервьюируемого лица. При опросе пожилого человека, нуждающегося в поддержке со стороны сына или дочери; когда стратегия исследования требует «перекрестного» интервьюирования; когда необходима помощь переводчика; когда принадлежность к другой культуре не препятствует взаимодействию с респондентом [26, с. 95].

Начиная интервью, необходимо объяснить его цель, подчеркнув, что отвечать на все поставленные вопросы не обязательно. Иногда люди пытаются отвечать на вопросы, преодолевая себя, только из стремления не показаться невежливыми. Они должны понимать, что нежелание отвечать на вопрос не заденет интервьюирующего. Если интервьюируемый имеет свои вопросы к вам, дайте возможность их задать в начале встречи и ответьте на них. Это способствует созданию атмосферы взаимного доверия, но не увлекайтесь – цель интервью в сборе информации от респондента. Если респондент не желает записываться на магнитофон, надо тактично пояснить, что только так можно получить точный текст – записывая на бумаге, неизбежно многое пропускаешь. Если кто-то сомневается в том, как будет звучать в записи его или ее голос, отыграйте пленку назад и дайте возможность прослушать его. Только в крайнем случае, если респондент категорически отказывается от записи, можно ограничиться записью ответов на бумаге, стараясь при этом воспроизвести на письме его предложения максимально точно, с сохранением специфики речи. В начале записи назовите свое имя и имя интервьюируемого лица, ее дату и место. Кратко определите цель интервью и, если вы находитесь с респондентом в особых отношениях (друзья, родственники), отметьте этот факт. Такого рода данные могут помочь тому, кто, возможно, через годы будет работать с ним. Попросите респондента устно подтвердить свое согласие на запись. Если проект требует конфиденциальности, раскрывать имя не следует, но слушатель должен понимать, что используется псевдоним.

Как отмечалось, первые вопросы не должны нести какой-либо угрозы: как правило, речь идет о месте и времени рождения, о семье. Такие вопросы облегчают проведение интервью. Начинать интервью с постановки главного вопроса, «брать

быка за рога», как правило, нецелесообразно. Надо принять во внимание, что люди обычно предпочитают вести рассказ хронологически, поэтому есть смысл задавать тематические вопросы в рамках хронологического подхода. Выше уже говорилось о значении открытых вопросов. Начинать лучше с открытого вопроса, например, «Пожалуйста, расскажите о своем детстве», а продолжить более конкретным вопросом «В каких школах Вы обучались?». Начав с открытых вопросов, позвольте рассказчику высказаться настолько широко, насколько возможно. Слушайте и по ходу рассказа делайте пометки, но не прерывайте. Когда станет ясно, что человек исчерпал предмет и остановился, возвращайтесь назад и задавайте уточняющие вопросы, выявляйте моменты смущения или противоречий и добивайтесь деталей [25, с. 68].

В литературе выделялось четыре стадии процесса интервьюирования: установление понимания, исследование, сотрудничество, соучастие [26, с. 96]. Любое интервью начинается с ситуации неопределенности: сам интервьюер еще не знает, как оно пойдет, респондент еще не осознает, что от него требуется. Вначале оба «схватывают» ситуацию, это момент слушания и наблюдения. Достаточно быстро респондент осознает, будет ли доверять собеседнику, и отвечать на вопросы честно. Найдите возможность подтвердить, что цените выделенное вам время, опыт и знание человека, с которым беседуете («Наш разговор действительно помогает мне понять»). Внимательно слушая респондента, учитывайте его логику и не следуйте точно составленному ранее вопроснику. Это важно, потому что интервью подразумевает ожидание новой, неизвестной прежде интервьюеру информации, и требуется «поймать» логику, предлагаемую рассказчиком. Однако это не означает, что ход интервьюирования должен целиком определяться рассказчиком, интервьюер должен тактично «направлять» его. В большей степени «довериться» логике рассказчика можно, если проект носит биографический характер – здесь важна каждая деталь. В других случаях, чувствуя, что разговор развивается не по сюжету, дождитесь паузы и тактично верните респондента в плоскость обсуждаемой темы. Следите за тем, насколько ход интервью соответствует плану, заложенному в вопроснике. Меняя тему обсуждения, укажите на связь с предыдущим аспектом – респондент должен понимать логику постановки вопросов.

Существует несколько основных принципов формулировки вопросов, которые применимы к любому интервью. Вопросы всегда должны быть как можно более простыми, прямыми, на понят-

ном языке. Никогда не задавайте сложных вопросов с «двойным дном» – обычно в таких случаях вы не дожидаетесь ответа на их половину, к тому же не ясно, на какую именно. Избегайте формулировок, предполагающих неоднозначный ответ: например, лучше спросить: «Как часто вы посещали церковь?», чем «Вы часто ходили в церковь?». Конечно, время от времени возможны какие-то заминки в вопросе, но это неважно и даже может вызвать к вам некоторую симпатию информанта, однако постоянно смущенный, извиняющийся тон просто сбивает с толку, особенно это нежелательно при деликатных личных вопросах, поскольку выдает только вашу собственную неловкость. Гораздо лучше задать заранее подготовленный осторожный или не прямой вопрос, произнося его уверенным тоном. Это покажет – вы знаете, чего хотите, и непринужденная атмосфера, скорее всего, сохранится [19, с. 229].

Недопустимо прерывать рассказчика или заканчивать предложение за него. Использование пауз зависит от конкретных обстоятельств: в некоторых случаях они уместны, в других необязательны. Все же есть рекомендация делать десятисекундную паузу перед каждым новым вопросом. Обращайте внимание на невербальные формы взаимодействия. Избегайте ненужных восклицаний по поводу информации, которой с вами поделились. Не следует сосредоточиваться на протоколировании рассказа на бумаге, достаточно, имея перед собой блокнот, делать отдельные пометки с именами, терминами и т. д. В таком случае внимание интервьюера будет отдано собеседнику. Кивок, улыбка, уместный жест, контакт глазами – все это подтвердит, что вы внимательно слушаете и соучаствуете в разговоре. Интервьюеру не уместно «выпячивать» свое знание темы, являющейся предметом проекта, в то же время рассказчик должен понимать, что вы в достаточной степени информированы и заинтересованы в его сообщении. Готовясь к интервью, нужно посвятить время изучению терминов или жаргонных выражений, связанных с проектом, но это совершенно не означает, что во время интервью профессиональным или иным сленгом вы должны пользоваться. Скорее это может произвести неблагоприятное впечатление. Но понимать, в каком смысле термины использует рассказчик, необходимо. Если термин непонятен, о его значении допустимо спросить. Рассказчик особенно оценит сопереживание с его чувствами. Наличие эмпатии – важный элемент успешности устной истории. За простую фразу «Представляю, что Вы чувствовали» рассказчик будет вам благодарен.

Неправильная реакция интервьюера может,

напротив, разрушить взаимопонимание [19, с. 100-101]. К числу главных умений интервьюера относят умения формулировать вопросы так, чтобы они были понятны и соответствовали теме беседы; слушать рассказчика; наблюдать за поведением рассказчика; запоминать то, что сказал рассказчик; судить о релевантности, значимости и полноте ответа, чтобы довести дело до конца. Эти умения находят выражение в том, как интервьюер ведет себя в ходе интервью и как задаются вопросы. Такие спонтанные, то есть не подготовленные заранее вопросы принято делить на несколько групп. К первой относятся уточняющие вопросы, которые некоторые западные авторы называют «зондирующими», исследующие проблему в глубину. Они задаются, если интервьюер видит, что рассказчик не полностью раскрыл вопрос, и может углубить свой ответ. Уточняющим вопросом интервьюер призывает рассказчика обратиться к деталям, рефлексировать по поводу того, что он собирается сказать. Уточняющий вопрос не должен «давить» на респондента, принуждая его подстраиваться под искомый ответ, но он уместен, когда интервьюер видит, что его партнер по интервью еще думает над темой и, возможно, ожидает новых вопросов, которые воодушевят его к продолжению обсуждения. Можно сказать: «Вы здорово пролили свет на эту проблему. Сможете вы что-то добавить к этому?» Вопрос этого вида также уместен, если респондент описал фактическую сторону, но никак не выразил своего отношения. Специфический уточняющий вопрос может касаться терминов и задается, когда интервьюер полагает, что он имеет особый смысл в речи информанта, отражая, например, принадлежность последнего к определенной субкультуре. Уточнение требуется и в том случае, если в речи рассказчика звучит сарказм, который, по сути, может менять само значение сказанного. Желательно попросить разъяснить саркастическое отношение к затронутому в интервью вопросу.

Близким к уточняющему вопросу является сопровождающий вопрос, когда интервьюер «подхватывает» утверждение рассказчика и расследует его. Его простым вариантом является вопрос, начинающийся со слова «Почему?» Он может открыть новую линию исследования. Например, благодаря вопросу «Почему Вы предпочитали дядю другим родственникам» интервьюер может получить детальное описание взаимоотношений внутри семьи. Следующий вид вопроса в интервью, – выясняющий. Простейший вариант предполагает, например, выяснение, действительно ли интервьюер и рассказчик имеют в виду одно и то же. Иногда требуется выяснить, каков источник

информации респондента, действительно ли последний был сам свидетелем или участником описываемого события или сообщает о нем из «вторых рук». Для выяснения этого могут служить такие вопросы, как «Видели ли Вы, как это происходило?», «Как далеко Вы находились от оратора?», «Использовал ли оратор микрофон?» Иногда рассказчик может передавать информацию жестами, поэтому требуется прояснить ее вербальным способом: «То есть Вы хотите сказать, что рыба была длиной около метра?» В данном случае должны быть приняты во внимание интересы того, кто будет прослушивать запись. Для удобства этого лица при транскрибировании записи помечают, каков был характер жеста. Еще одним видом вопросов являются вопросы на сравнение. Они направлены на получение от респондента более глубокой информации. Вопросы на сравнение целесообразно использовать в том случае, если рассказчик не проявил способности к аналитическому изложению материала. «Как бы Вы сравнили условия жизни в деревне в годы войны и в первые послевоенные годы?» – пример такого вопроса, позволяющего проследить социальную динамику исследуемого объекта. Особым видом является вопрос-вызов, использование которого, однако, сопровождается известным риском. Такой вопрос может быть поставлен в ситуации, когда респондент явно что-то недоговаривает, предпочитает скрывать собственное мнение. В этом случае его можно спросить прямо, например, «Вы были за или против?» В результате можно получить ответ, который, например, противоречит официальной версии события, расширяет перспективу представлений о нем. Однако риск в том, что респондент может быть не готов к такому ответу, и сам вопрос такого рода вызовет его отчуждение. Поэтому прежде чем ставить вопрос-вызов, стоит присмотреться к настроению собеседника или, по крайней мере, сгладить остроту вопроса тональностью голоса или примиряющим жестом.

Использование вопроса-вызова актуально в ситуации интервьюирования по поводу того, что беспокоит информанта, вызывает у него эмоциональную реакцию. Здесь стоит обратить внимание на то, что в состоянии возбуждения люди начинают говорить быстрее и повышают тон речи. По ходу своей работы интервьюер должен постоянно решать, что он должен раскрывать собеседнику, что он может сказать, а о чем должен промолчать. Из слов и невербальных реакций респондента надо сделать вывод о том, насколько принимаются задаваемые вопросы, не расстроен ли он. Если есть основания считать, что интервьюируемое лицо проявляет признаки недовольства, лучше

отложить неудобные вопросы и, подождав, возможно, вернуться к ним позднее в более мягкой форме. Один из приемов, предлагаемых при обсуждении в тревожащей ситуации, состоит в постановке вопроса на выбор или даже одновременной постановке двух вопросов: «Были ли сотрудники вашей организации сторонниками или противниками ГКЧП?» Как правило, два вопроса сразу задавать не рекомендуется, но в эмоционально тревожащей ситуации это поможет «отвести удар». При этом надо помнить, что в этом случае респондент чаще отвечает на второй вопрос. Когда сложность ситуации определяется тем, что информант хочет быть полезным, но испытывает затруднения, вспоминая прошлое, помогут документы или другие свидетельства, имеющиеся у интервьюера, а также фотографии, вещи, сохранившиеся у интервьюируемого лица. Иногда в своем рассказе информант может допускать явные неточности. Если они не имеют принципиального значения, лучше не привлекать к ним внимания, однако если они существенно влияют на смысл рассказа, надо внести уточнение: «Одну минутку. Я помешан на точных датах. Давайте посмотрим. Война кончилась в 1945 г. Утверждаете ли вы, что то, о чем Вы говорите, случилось?..»

Кроме умения спрашивать, интервьюер должен формировать в себе умение слушать. Это подразумевает не только терпение в выслушивании собеседника, но и умение прислушиваться к сути того, о чем тот сообщает. Этому не должны препятствовать представления, антипатии, стереотипы, существующие в сознании самого интервьюера. Поэтому важно контролировать себя на предмет того, услышано ли то, что нам хотели сказать, и понято ли это [24, с. 108].

Чтобы контролировать ситуацию во время интервью, надо владеть «языком тела» – это поможет следить за состоянием и настроением респондента. Опущенные глаза, зевота говорят об усталости человека, подсказывая: пришла пора спросить, не устал ли он, не лучше ли продолжить в следующий раз. Если респондент скрестил руки на груди и пристально смотрит на собеседника, есть основание считать: он испытывает к нему известную долю враждебности. Об этом же может свидетельствовать то, что респондент перешел на низкий тон, так что голос становится едва различимым. Жесты в их соотношении с речью могут играть разнообразную роль: повторять, дублировать актуальную речевую информацию; противоречить речевому высказыванию, подчас даже вводя этим адресата в заблуждение; замещать речевое высказывание; подчеркивать и усиливать определенные компоненты речи; дополнять речь в смыс-

ловом отношении; выполнять роль регулятора речевого общения. Эта последняя функция особенно важна [7, с. 61-63].

Если в рассказе возникает пауза, подождите некоторое время, может быть, респондент переводит дух или собирается с мыслями. Молчание значит, что интервьюер ждет продолжения, но если оно затягивается более чем на десять секунд, это может служить сигналом недопонимания. Краткость ответов может говорить о том, что интервьюер не заинтересовал рассказчика. В этом случае стоит попробовать, как «пойдут» разные типы вопросов. Однако повторяющееся прерывание рассказа, краткие односложные ответы часто говорят о нежелании продолжать. При возникновении в ходе интервью такой ситуации разумно отойти от острого вопроса и обратиться к более безопасной теме, пока не убедишься, что собеседник отдохнул и расслабился [24, с. 110]. Не исключено, что еще перед интервью респондент предупредит, что есть темы, которые он не намерен обсуждать. В принципе, вопросы, которые могут смутить собеседника, нельзя ставить в начале интервью, должно пройти время, пока будет достигнута известная степень доверия к интервьюеру. Если этого недостаточно, попробуйте разъяснить, почему такие «беспокоящие» вопросы важны для интервью. Не находя должного отклика, можно прямо спросить, готов ли информант обсуждать данную тему. Возможно, он все же согласится продолжить обсуждение без записи. В любом случае настаивать вопреки очевидному нежеланию интервьюируемого лица бесполезно. Если попытки разговорить собеседника провалились, вежливо поблагодарите и удалитесь. Проявите вежливость и сочувствие, если в интервью окажется затронутой болезненная тема, которая может даже вызвать слезы. Извинитесь, что коснулись такого вопроса. Вам предстоит решить, стоит ли продолжить обсуждение такой темы путем постановки уточняющих вопросов, или от этого надо отказаться, по меньшей мере, на данной сессии.

Одним из драматичных в интервью может быть омент, когда респондент высказывает идеи, с которыми интервьюер категорически не согласен. Последний в таком случае может испытать желание прервать собеседника и вступить в спор, но делать этого не следует. Надо, по меньшей мере, дослушать его до конца, прежде чем выразить несогласие. Кроме того, выразить сомнение в словах рассказчика означает поставить успех интервью под угрозу. Действительно, рассказчик может допустить неточности и даже быть попросту неправым, но есть вероятность, что неправ сам интер-

вьюер, что версия события, которую он выслушивает, ближе к реальности. В любом случае устная история собирает свидетельства и мнения разных людей, а интервьюер не несет ответственности за то, чтобы услышанный им рассказ был полной правдой. Напротив, исследователь заинтересован в интервью, в которых одна и та же проблема освещается с разных, даже противоположных, позиций, в том числе таких, которые трудно принять. Поэтому не надо торопиться сделать вывод, что рассказчик неправ или даже лжет, ведь главная цель интервью заключается в получении точки зрения. В такой момент интервью надо решить, переключиться со щепетильной темы, чтобы, возможно, вернуться к ней в других обстоятельствах, или прямо указать на свидетельства, подтверждающие принципиально иную точку зрения. (При согласии интервьюируемого лица доказательства отличной от изложенной в рассказе точки зрения могут быть упомянуты в бумажном варианте интервью.) Кроме того, надо принять во внимание, если сталкиваешься с ложью, что это может быть не ложь для вас, а ложь самому себе.

Кроме трудностей, вытекающих из содержания проекта, могут возникнуть и другого рода проблемы, с которыми сталкивается ученый. Речь идет о необходимости учитывать расовые, гендерные, возрастные, классовые, этнические аспекты интервьюирования. Культурные различия между поколениями: мужчины, выросшие в эпоху Первой мировой войны, гораздо меньше были склонны говорить о сексе, чем те, кто возмужал в годы Второй мировой войны. Исследователям устной истории надо принять во внимание и результаты исследований в социолингвистике, показывающие гендерные различия. Например, установлено, что женщины имеют больший интерес к обсуждению повседневной жизни, чем мужчины. Они также более склонны к поддержке собеседника, чем мужчины, которые больше предпочитают давать информацию, что ставит их во властную позицию. Не все аспекты гендерной коммуникации, однако, значимы, если речь идет о формальном интервью. Например, наблюдения показывают, что мужчины преклонного возраста не меньше женщин склонны к проявлению чувств. Лица, которых можно отнести к элите, и в интервью, как правило, пытаются занимать командную позицию, тогда как при интервьюировании рабочих баланс, напротив, в пользу интервьюера. Интервью с представителями своего народа обычно проводить легче, чем с людьми другой этнической группы, последнее требует дополнительной подготовки и понимания ее характеристик и правил поведения. Некоторые исследователи подбирают интервьюеров, близких

к интервьюируемым, но мужчины и женщины разных рас и этносов должны уметь интервьюировать друг друга. Респонденты чувствуют себя комфортнее, если интервьюер рассказывает о себе: где он жил, ходил в школу, работал, чем занималась его семья, что помогает установить общность, разрушающую некоторые барьеры. Но даже отсутствие этого общего интервьюер может компенсировать знанием предмета, имен, дат и событий [25, с. 74].

Завершая интервью, не торопитесь выключать видекамеру. Бывает так, что и в последний момент, уже при прощании, респондент пытается что-то добавить к своему рассказу, и если вдруг он снова начинает говорить, продолжите интервью. Если у интервьюируемого лица есть, что еще рассказать, попросите о новой встрече. Посоветуйтесь с тем, с кем вы беседовали, не рекомендует ли он или она тех лиц, беседа с которыми может быть важна для вашего исследования. Конечно, следует иметь с собой письменную форму, которую респондент должен подписать, предоставляя вам возможность использовать полученный материал. Возвратившись домой, напишите благодарственное письмо и не поленитесь записать на бумаге важные детали, которые понадобятся, когда вы будете работать с интервью. Интервью бывают трудным эмоциональным опытом, иногда требуется поговорить с рассказчиком после интервью. Тот, кто дал интервью, должен знать: оно важно для проекта и за него ему благодарны [25, с. 82].

Сообщите интервьюируемому, сколько времени потребуется для обработки текста, когда он получит копии записи, когда будет подписано разрешение на использование этих материалов, как они будут использоваться, в каком месте документ будет находиться и будет ли открыт для исследователей.

Между учеными не существует полного согласия в том, что является более важным в работе исследователя: аудиозапись или текст интервью на бумажном носителе. Понятно, что они не могут быть полностью аутентичны. В устном повествовании люди часто не договаривают предложения; в письменном тексте невозможно отразить все нюансы речи, в которой ударения, прерванные предложения, спотыкания и т. п. могут иметь определенный смысл. Общее правило заключается в том, чтобы максимально сохранить специфику речи, например, давая указания в скобках [19, с. 258].

Несмотря на наличие такого рода требований, среди ученых есть точка зрения, что письменные варианты интервью – это испорченные интервью. Если интервью снималось на видео, на бумаге мо-

гут быть отмечены проявления «языка тела»: улыбка, жест (скрестил пальцы) и т. д. Если имелась только устная запись, такого рода пометки должен внести интервьюер. Вопрос о приемлемости письменного варианта интервью в значительной мере снимается в случае, если в отношении его имеется форма подтверждения со стороны повествователя.

Специалист, проводивший интервью, особенно тот, кто только накапливает опыт, должен критически оценить проделанную работу [26, с. 166]. В этом поможет таблица, оценивающая навыки проведения интервью по ряду критериев (добавляются 10 баллов за каждый положительный ответ в разделе А и снимаются 10 баллов за положительный ответ в разделе Б):

А. Положительные показатели	Б. Негативные показатели
1. Проявлял эмпатию, когда это было уместно	1. Прерывал рассказчика
2. Демонстрировал признательность за помощь со стороны рассказчика	2. Просил повторить, что рассказчик только что сказал
3. Слушал внимательно	3. Подразумевал что-то, чего рассказчик не говорил
4. Следовал темпу рассказчика	4. Не подхватил тему, которую рассказчик был готов развить
5. Пояснял причины изменений в теме	5. Делал неуместные, отвлекающие комментарии
6. Использовал формат двух предложений, переходя к линии вопросов, потенциально проблематичных для рассказчика	6. Игнорировал чувства рассказчика и не проявил эмпатии
7. Уточнял, когда требовалось	7. Не проверил звук на магнитофоне
8. Использовал сопровождающий вопрос, когда требовалось получить больше информации	8. Позволял рассказчику уводить разговор в сторону
9. Задавал вопрос-вызов в мягкой манере	9. Задал наводящий вопрос
10. Требовал разъяснения, когда это было необходимо	10. Задавал одновременно несколько вопросов

Нельзя задавать вопросов, из которых интервьюируемый может заключить, что его считают плохо образованным человеком. Надо также избегать эмоционально окрашенных слов. Такие слова может употреблять сам респондент, но интервьюеру этого делать не следует.

Библиографический список

- Алексиевич, С. У войны не женское лицо [Текст] / С. Алексиевич. – М. : Просвещение, 1989. – 96 с.
- Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Гринченко, Г. Г. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области) [Текст] / Г. Г. Гринченко // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск : Каменный пояс, 2004. – С. 215-217.
- Золотарева, И. С. Занятия устной историей в историческом краеведении [Текст] / И. С. Золотарева // Преподавание истории в школе. – 2007. – № 2. – С. 61-62.
- Иванова, Л. Ф. Проектная работа в обучении обществознанию [Текст] / Л. Ф. Иванова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2007. – № 2-3.
- Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика [Текст] / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- Коваль, Т. Е. Трансформация личного опыта старшеклассника на уроках обществознания [Текст] / Т. В. Коваль // Преподавание истории в школе. – 2007. – № 6. – С. 44-50.
- Кормина, Ж., Штрыков, С. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах [Текст] / Ж. Кормина, С. Штрыков // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 123-133.
- Мишле, Ж. Народ [Текст] / Ж. Мишле. – М. : Наука, 1965. – 208 с.
- Нарский, И. Ф. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство [Текст] / И. Ф. Нарский. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2008. – 516 с.
- Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества [Текст]. – М., 2005.
- Память о блокаде: свидетельства очевидцев. Интервью с Николаем Викторовичем [Текст] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 307-320.
- Портелли, А. Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ [Текст] / А. Портелли // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 243-251.
- Прус, И. Советская история в истории современного подростка и его бабушки [Текст] / И. Прус // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 116-122.
- Соколова, М. В. Устная история. Теоретические и педагогические основания [Текст] / М. В. Соколова. – М. : Юрайт, 2017. – 124 с.
- Соколова, М. В. Педагогика исторической памяти: границы понятия [Текст] / М. В. Соколова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1. – Том II. – С. 92-99.
- Томсон, П. Голос прошлого. Устная история [Текст] / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 327 с.
- Хорлина, Ю. А. Реконструкция «семейной истории»: историко-ведческий аспект «библиографического хрониката» рода Олега Митяева [Текст] / Ю. А. Хорлина // Век памяти, память века / под ред. И. В. Нарского. – Челябинск : Каменный пояс, 2008. – С. 242-258.

19. Чернова, М. Н. Изучаем историю семьи [Текст] / М. Н. Чернова // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 3. – С. 47-54.
20. Щербакова, И. Л. Над картой памяти [Текст] / И. Л. Щербакова // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3(40-41). – С. 108-115.
21. Edwards Ch. Putting Life into History: How Pupils Can Use Oral History to become Critical Historians // Teaching History. – 2006. – June. – № 123.
22. The Oral History Reader / Ed. by Perks and A. Thompson. – L., N. Y., 1998.
23. Ritchie D. Doing Oral History. – N. Y. 1995.
24. Yow V. R. Recording Oral History: A Guide for Humanities and Social Sciences, 2005.

Reference List

1. Aleksievich, S. U vojny ne zhenskoe lico = The war has not got a woman's face [Текст] / S. Aleksievich. – М. : Prosveshhenie, 1989. – 96 с.
2. Assman, Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity [Текст] / Ja. Assman. – М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 368 с.
3. Grinchenko, G. G. «Ustnye istorii» i problemy ih interpretacii (na primere ustnyh interv'ju s byvshimi ostarbajterami Har'kovskoj oblasti) «Oral stories» and problems of their interpretation (on the example of oral interviews with the former ostarbeiters of the Kharkov region) [Текст] / G. G. Grinchenko // Vek pamjati, pajat' veka. Opyt obrashhenija s proshlym v HH stoletii = Century of memory, memory of a century. Experience of the appeal to the past in the XX century. – Cheljabinsk : Kamennyj pojas, 2004. – S. 215-217.
4. Zolotareva, I. S. Zanjatija ustnoj istoriej v istoricheskom kraevedenii = Lessons of oral history in historical study of local lore [Текст] / I. S. Zolotareva // Prepodavanie istorii v shkole. – 2007. – № 2. – S. 61-62.
5. Ivanova, L. F. Proektnaja rabota v obuchenii obshhestvoznaniju = Project work in social science training [Текст] / L. F. Ivanova // Prepodavanie istorii i obshhestvoznanija v shkole. – 2007. – № 2-3.
6. Krejdlin, G. E. Neverbal'naja semiotika = Nonverbal semiotics [Текст] / G. E. Krejdlin. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 592 с.
7. Koval', T. E. Transformacija lichnogo opyta starsheklassnika na urokah obshhestvoznanija = Transformation of the senior's personal experience at social science lessons [Текст] / T. V. Koval' // Prepodavanie istorii v shkole. – 2007. – № 6. – S. 44-50.
8. Kormina, Zh., Shtrykov, S. Nikto ne zabyt, ничто не забыто. Istorija okkupacii v ustnyh svidetel'stvah = Nobody is forgotten, nothing is forgotten. The history of occupation in oral evidences [Текст] / Zh. Kormina, S. Shtrykov // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – № 2-3 (40-41). – S. 123-133.
9. Mishle, Zh. Narod = People [Текст] / Zh. Mishle. – М. : Nauka, 1965. – 208 с.
10. Narskij, I. F. Fotokartochka na pamjat': Semejnye istorii, fotograficheskie poslanija i sovetskoe detstvo =

Photograph for memory: Family stories, photographic messages and Soviet childhood [Текст] / I. F. Narskij. – Cheljabinsk : OOO «Jenciklopedija», 2008. – 516 с.

11. Pamjat' o blokade: svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshhestva = Memory of blockade: evidences of eyewitnesses and historical consciousness of society [Текст]. – М., 2005.
12. Pamjat' o blokade: svidetel'stva ochevidcev. Interv'ju s Nikolaem Viktorovichem = Memory of blockade: evidences of eyewitnesses. Interview with Nikolay Viktorovich [Текст] // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – № 2-3 (40-41). – S. 307-320.
13. Portelli, A. Massovaja kazn' v Ardeatinskih peshherah: istorija, mif, ritual, simvol = The Ardeatine massacre: history, myth, ritual, symbol [Текст] / A. Portelli // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – № 2-3 (40-41). – S. 243-251.
14. Prus, I. Sovetskaja istorija v istorii sovremennogo podrostka i ego babushki = The Soviet history in the history of the modern teenager and his grandmother [Текст] / I. Prus // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – № 2-3 (40-41). – S. 116-122.
15. Sokolova, M. V. Ustnaja istorija. Teoreticheskie i pedagogicheskie osnovanija = Oral history. Theoretical and pedagogical bases [Текст] / M. V. Sokolova. – М. : Jurajt, 2017. – 124 с.
16. Sokolova, M. V. Pedagogika istoricheskoi pamjati: granicy ponjatija = Pedagogics of historical memory: concept borders [Текст] / M. V. Sokolova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin – 2013. – № 1. – Tom II. – S. 92-99.
17. Tomson, P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija = Voice of the past. Oral history [Текст] / P. Tompson. – М. : Ves' mir, 2003. – 327 с.
18. Horlina, Ju. A. Rekonstrukcija «semejnoj istorii»: istochnikovedcheskij aspekt «bibliograficheskogo hronikata» roda Olega Mitjaeva = Reconstruction of «family history»: a source study aspect of «bibliographic chronicle» of Oleg Mityaev's family [Текст] / Ju. A. Horlina // Vek pamjati, pamjat' veka / pod red. I. V. Narskogo. – Cheljabinsk : Kamennyj pojas, 2008. – S. 242-258.
19. Chernova, M. N. Izuchaem istoriju sem'i = We study family history [Текст] / M. N. Chernova // Prepodavanie istorii v shkole. – 2001. – № 3. – S. 47-54.
20. Shherbakova, I. L. Nad kartoj pamjati = Over the memory map [Текст] / I. L. Shherbakova // Neprikosnovennyj zapas. – 2005. – № 2-3(40-41). – S. 108-115.
21. Edwards Ch. Putting Life into History: How Pupils Can Use Oral History to become Critical Historians // Teaching History. – 2006. – June. – № 123.
22. The Oral History Reader / Ed. by Perks and A. Thompson. – L., N. Y., 1998.
23. Ritchie D. Doing Oral History. – N. Y. 1995.
24. Yow V. R. Recording Oral History: A Guide for Humanities and Social Sciences, 2005.